

КУЛЬТУРА

Таланты и поклонники

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Александр Пороховщиков:

ВСЕ БЕДЫ —
ОТ ЗАВИСТИ

Культура. — 1995. — 10 июня. — с. 5.

Последнее время об А. Пороховщикове много говорят. О фамильном особняке, который ему, прямому наследнику, возвращен, о том, что стал он, актер, неожиданно и режиссером, и продюсером. Но интервью с ним, народным артистом России, я начала все же с театральных дел: с того, что, во-первых, в "Ревизоре" он сыграл весьма необычного Городничего, и, во-вторых, на этом спектакле разразился скандал: публика вела себя возмутительно.

— Александр Шалвович, вы — не первый Городничий на подмостках, не опасались сравнений с великими предшественниками?

— Юрий Александрович Еремин поставил свой спектакль наперекор общепринятому мнению, решил образы вразрез стереотипам. Дело ведь не в Ревизоре или Городничем, а в народе. Люди в маленьком городке живут по устоявшимся правилам, и вдруг прилетает кто-то и говорит: "Сейчас будет перестройка!". Народ, уже в который раз, верит!

— Но к восприятию необычной концепции публика не готова. Не обидно ли? Столько вкладывать в роль и видеть, что в зале школьники жвачкой друг в друга кидаются!..

— Беда в том, что они Гоголя не читают, а в театр приходят отбывать. Они сами понять не могут (и никто им не объяснит!), что это, в сущности, высокая трагедия! Их приводят строем, и, наверное, артистам тоже нужно со сцены начать чем-нибудь кидаться, чтобы привлечь их внимание. Им рано приходить на такой спектакль. Нельзя их пускать в таком количестве, они друг друга возбуждают. Шум действует и на

актеров. Я-то все равно буду гнуть свою линию, а молодые начинают жать, плюсовать, утрировать хохмы, посматривать в зал. Реплики от них не дожидешься. Мне, Городничему, самому главному в городе человеку, приходится, сложив руки рупором, кричать! Разве такое допустимо?

— Ладно, от злободневного перейдем к эпическому. Прежде чем прийти в Пушкинский театр, где вы играли?

— Начать сначала? Образование получил в Щукинском, учился на вечернем, днем работал мебельщиком-режиссиров в Театре имени Вахтангова. После училища меня пригласил сам Рубен Николаевич Симонов! Но в то время существовал так называемый "показ". Я на него не пошел, обиделся: меня все абсолютно в театре знали, видели в дипломных спектаклях, зачем еще экзаме́н? Вот и принял предложение Театра сатиры.

...О спектакле "Доходное место", поставленном Марком Захаровым (Пороховщиков там играл Белокурова), еще долго будут ходить легенды. Все, кто его видел, были в восторге, впрочем, не все: вскоре спектакль "закрыли". А актер еще пять лет проработал в Сатире, играя небольшие эпизодические роли, пока его в 1971 году не пригласил в Таганку Юрий Петрович Любимов.

— Десять самых лучших лет вы служили в этом театре, видели его расцвет. Как у вас складывались отношения с коллегами, с режиссером?

— Непросто. Любимов как бы пытался поставить меня в строй, а я всячески сопротивлялся: говорил, что не отказываюсь прыгать, лазать по шведской стенке, но если мне объяснят, для чего я это делаю. А

просто так, по команде, не могу.

— Вы дружили с Высоцким!

— Нет, мы просто общались. Я думаю, что друзей у него не было, иначе они бы не допустили такого конца. Как-то у меня с мэтром произошел из-за Володи неприятный разговор. В отсутствие Высоцкого Любимов предложил мне играть Галилея. Я наотрез отказался и до сих пор считаю, что такое недопустимо. До конца дней своих, я думаю, Володя не смог простить, что в его отсутствие играли его любимого Гамлета.

— Однако, несмотря на стычки, Любимов отпустил вас на съемки вашего первого фильма "Ринг"!

— А если учесть, что было это накануне премьеры, то его поступок я считаю просто героическим. Впрочем, я никогда не играл в закулисные игры, не подписывал писем, не зачитывал деклараций, не принадлежал к какой-то группировке, и он это знал.

— И после "Ринга" вы с кинематографом подружились: "Звезда пленительного счастья", "Ангел мой", "Два долгих гудка в тумане", "Избранные", "На крутизне", "Свой среди чужих". Герои очень разные, на самом деле вы какой?

— Сложно отвечать на такой вопрос. Знаю, что соткан не из одних достоинств, я не святой. Но твердо могу сказать, что никогда не обижу старика, не подниму руку на ребенка. Я не люблю хитрых, презираю завистливых. Вы знаете, Россию губит не нищета, а зависть, от нее все беды. Дурак завидует умному, лентяй трудолюбивому, из зависти люди подглядывали в замочную скважину, доносили на соседа, расстреливали.

— Вам, Александр Шалвович, больше по душе откры-

тый бой! Поскольку вы — боксер.

— По натуре своей я человек миролюбивый. Есть замечательные слова из "Скупого рыцаря": "Я знаю мощь мою, с меня довольно сего сознания...". Если противник сильнее меня, зачем же мне подставляться, а если я сильнее и умнее его, зачем же мне его добивать?

— И это говорит человек, который все детство провел в уличных боях, стенка на стенку!

— Ну когда это было!.. Я люблю доброту. Подвел меня кто-то раз — прощаю. Второй раз — стерплю, а уж на третий раз — скандала не устрою, но и руки не подам.

— А что вас по жизни ведет: случай или борьба?

— Впервые мне задают такой вопрос. Я бы сказал, слушаю обязан многим, хотя столько, сколько я пропахал за свою жизнь, не дай бог... Вообще-то я считаю: что на роду написано, так тому и быть. Но все же неожиданные звонки и встречи не раз помогали мне. Судите сами. Мы жили в Челябинске. Я учился на третьем курсе мединститута. Когда вер-

нулся в Москву, я все бросил и стал поступать во МХАТ. Алла Тарасова состояла с нами в родстве, но именно она сказала мне, что у меня нет таланта.

После драки на приемных экзаменах для меня было закрылись двери и Щукинского. Но — звонок от Бориса Евгеньевича Захавы, и меня допустили на третий тур!

Когда я ушел из Сатиры, положение спасло приглашение от Любимова. А как я впервые попал на съемочную площадку? Инна Гулая случайно вспомнила о моем боксерском прошлом! (Я прошел пробы, а она нет, играла другая актриса).

— Сейчас многие уходят в политику, в бизнес. Вы ушли в строители. Целые дни проводите в особняке на Старокошненном.

— Я продолжаю строить дом, который называю своей Родиной. Это дом деда. Он был изобретателем первого в мире танка, военных самолетов. В чине генерал-лейтенанта в 1941 году он был репрессирован и расстрелян, реабилитирован только в 1956 году.

После его ареста, испугавшись, ушел из семьи отец, а нас,

маму, бабушку и меня, трехлетнего мальчишку, выселили в две маленькие комнатки, где водились огромные крысы! Квартира была угловая. Во время войны, пробив в стене дыру, в нашей комнате установили орудие для того, чтобы сбивать немецких парашютистов.

Если бы в 1943 году не появился человек, который не испугался связать судьбу с дочерью репрессированного генерала, если бы он не увез нас в Магнитогорск, а после смерти Сталина — в Челябинск, где он, мой отчим, работал главным архитектором, — неизвестно, разговаривали бы мы с вами сейчас.

Дом моих предков мне отдали в аренду. И я хочу сделать здесь музей, где будут меняться экспозиции, выставки художников и мастеров-умельцев, будут выступать артисты. Пусть приходят сюда люди, общаются, слушают музыку да просто пусть посидят и отогреться душой. Это сейчас так важно.

Татьяна ПЕТРЕНКО.

● Александр Пороховщиков с женой Ириной.